

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
РОССИЙСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
СМОЛЕНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ОБРАЗОВАНИЯ

ТРУДЫ
ПО
РУССКОЙ ИСТОРИИ

*Сборник статей
в память о 60-летии
Игоря Васильевича Дубова*

ПАРАД
издательский дом
МОСКВА
2007

- Маразов И., 2003а. Ловът като ценностно изпитание в митичната биография на тракийския владетел. – В: Анали. 1: 44–57.
- Маразов И., 2005. *Heterotopia* на древна Тракия. 2. Могили, гробници, епос, иконография. – В: И. Маразов (ред.). Съкровището (МИФ 10): 93–126.
- Маразов И., 2005а. *Heterotopia* на древна Тракия. 1. Могила, гробница, погребални дарове. – В: Тракия и околните съвет. (=МИФ 9): 73–122.
- Маразов И., 2005б. Семантика и функция на изобразителния текст във фреските на тракийските гробници. – Проблеми на изкуството. 3: 7–19.
- Маразов И., 2006. Богинята Атина в царската идеология на древна Тракия. – В: Проблеми и изследвания на тракийската култура. Казанлък: «Ирита»: 32–74.
- Маразов И., 2007. Парадните наколеници в древна Тракия (в печат).
- Маразов И., 2007а. Маската в Тракия (в печат).
- Раевский Д. С., 1977. Очерки идеологии斯基фо-сакских племен. Москва: Наука.
- Филов Б., 1934. Надгробните могили при Дуванлий. София.
- Berciu D., 1974. Contriburion à l'étude de l'art thraco-gète. Bucarest.
- Bouvier D., 2002. Le sceptre et la lyre. L'Iliade ou héros de la mémoire. Paris. J. Millon.
- Dumézil G., 1977. *Les dieux souverains des Indo-Européens*. Paris: NRF.
- Filov B., Schkorpil K., 1927. Die archaische Nekropole von Trebenishte am Ochrida-See. Berlin und Leipzig.
- Flower H. I., 2006. Ansector Masks and Aristocratic Power in Roman Culture. Oxford University Press.
- Lincoln B., 1986. Myth, Cosmos, and Society. Harvard University Press.
- Lincoln B., 1991. Death, War, and Sacrifice. University of Chicago Press.
- Loraux N., 1985. Façons tragiques de tuer une femme. Paris: Hachette.
- Marazov I., 1996. The Rogozen Treasure. Sofia: Secor.
- Marazov I., 2006. Zalmoxis between the Gets and the Goths. – In: *Goterna*: 35–48.
- Marazov I., Kabakchieva G. (eds.), 2007. The Splendour of Bulgaria. Vassil Bojkov Collection. Catalogue of Exhibition. Accent.
- Marshall F. H., 1968. Catalogue of Jewellery, Greek, Etruscan, and Roman in the Departments of Antiquity, British Museum. Trustees of the British Museum. 2-nd Ed.
- Nagy G., 1979. The Best of the Achaeans. Concepts of the Hero in Archaic Greek Poetry. The Johns Hopkins University Press.
- Nagy G., 1990. Greek Mythology and Poetics. Cornell University Press.
- Sindos, 1983. Σινδος. Καταλογός τες εκθεσης. Αρχαιολογικό μουσείο Θεσσαλονίκης.
- Vernant J.-P., 1989. L'individu, la mort, l'amour. Soi-même et l'autre en Grèce ancienne. Paris: NRF.
- Vickers M., 2002. Scythian and Thracian Antiquities. Oxford: Ashmolean Museum.

В. Н. Седых

МОНЕТНЫЕ НАХОДКИ В ТИМЕРЕВО В КОНТЕКСТЕ НУМИЗМАТИЧЕСКИХ ДАННЫХ ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОЙ РУСИ

Средневековый археологический комплекс IX–XI вв. у д. Б. Тимерево близ г. Ярославля — один из наиболее исследованных на территории Северо-Восточной Руси. Игорю Васильевичу Дубову принадлежат честь открытия значительного по площади торгово-ремесленного поселения вблизи известного еще с XIX в. могильника и наиболее важные результаты раскопок комплекса, в том числе обнаружение интереснейшего клада арабских серебряных монет. Монетные находки представлены во всех категориях древностей Тимеревского археологического комплекса — в могильнике, в комплексах поселений и кладов.

В археологических материалах, относящихся к эпохе средневековья, большую роль играют находки монет как составной части комплекта находок. Особое значение приобретают монеты, обнаруженные в закрытых комплексах, каковыми являются погребения и клады. Условия обнаружения находки и ее местоположение являются основополагающими при рассмотрении вопроса о функции монеты.

Наиболее многочисленны находки монет в некрополе, где они обнаружены в 22 погребениях.¹ Всего найдено 34 монеты: 30 восточных, в том числе 5 монет-подвесок и два креста, вырезанные из монет, а также 4 западноевропейские, из которых одна — монета-привеска.

Западноевропейские денарии найдены в четырех захоронениях по обряду ингумации. Самая ранняя монета-привеска из денария, чеканенного в Англии около 900 г. Эдмундом, обнаружена вместе с привеской из дирхама (анонимный чекан Харуна ар-Рашида, 803/804 г.) в комплексе кургана № 348, где открыто камерное женское погребение по обряду ингумации в сидячем положении. Авторы раскопок отмечают, что «инвентарь данного захоронения характерен для норманнских древностей», относят этот комплекс к числу наиболее ранних и датируют его первой половиной X в.² В кургане № 31 верхнесаксонская монета — подражание XI в. денарию Оттона III и Адельгейды (990–995 гг.) — найдена на груди костяка в комплексе, который датируется первой половиной XI столетия. На монете зафиксирован прочерченный знак из трех линий.³

Концом X — началом XI в. датируется комплекс распаханного кургана, исследованного в сезоне 1987 г. на пограничном между могильником

и поселением участке. Монета (Оттон III и Адельгейда, конец X – начало XI в.) находилась рядом с черепом погребенного. Серединой XI в. датируется еще одно погребение, открытое при исследовании участка поселения в 1989 г. в пределах постройки № 1. Захоронение сопровождалось денарием (Фризия, монетный двор Лееварден, граф Бруно III – 1038–1057 гг.). *

**Погребальные комплексы Тимеревского могильника
с восточными монетами**

Таблица

Курган	Обряд погребения	Дата чеканки монеты	Дата и этническая принадлежность
5	кремация на месте	920/921	середина X в., финское
54	кремация на месте	805–809	первая половина X в., скандинавское
95	кремация на месте	769–788	середина IX в., скандинавское
100	камера	963–976	70–80-е годы X в., скандинавское
120	кремация на месте	?	X в., финское
125	урна	783–784	IX в., славянское
141	камера	?	X в., скандинавское
229	кремация на месте	908–916	первая половина X в., финское
237	ингумация	914–943	X в., финское
273	урна	895–897	X в., финское
278	урна	907–914	середина X в., финское
284	камера	918/919	середина X в., скандинавское
297	камера	804/805	середина X в., скандинавское
299	кремация на месте	?	X в., финское
348	камера	803/804	первая половина X в., скандинавское
417	ингумация	997–999	первая половина XI в., славянское
448	кремация на месте	последняя четверть X в.	начало XI в., славянское
459	камера	969/970	конец X – начало XI в., скандинавское
470	кремация на месте	785/786	рубеж IX–X вв., финское

* Денарии из двух вышеописанных комплексов определены В. М. Потиным (Гос. Эрмитаж).

Восточные монеты обнаружены в 19 курганах (см. табл.). Специальный анализ комплексов с ними⁴ показывает, что куфические монеты представлены в погребениях Тимеревского могильника, совершенных по обряду трупосожжения и трупоположения, практически весь период функционирования некрополя. Три из них относятся к IX в., 13 – к X в. и 3 возможно датировать началом XI столетия. В пределах X в. они распределяются следующим образом: первая половина – 3, середина – 3, вторая половина – 2. Остальные датируются X в. в целом. Таким образом, распределение в границах этого столетия достаточно равномерное.

В семи комплексах фиксируются монеты, которые использовались вторично: привески (5 экз.) и крестики, вырезанные из дирхамов (2 экз.). Если отбросить комплексы, из которых происходят монеты-привески и неопределенные дирхамы, то в одиннадцати случаях дата чеканки монеты прямо увязывается со временем захоронения: № 5 – 920/921 г. – середина X в.; № 95 – конец VIII в. – первая половина – середина IX в.; № 100 – младшая – 976 г. – 70–80-е годы X в.; № 229 – 916 г. – первая половина X в.; № 237 – 943 г. – вторая половина X в.; № 278 – 914 г. – середина X в.; № 284 – 919 г. – середина X в.; № 417 – 999 г. – первая половина XI в.; № 448 – последняя четверть X в. – начало XI в.; № 459 – 970 г. – конец X в.; № 470 – 786 г. – рубеж IX–X вв. Хронология других вещевых находок в указанных комплексах не противоречит предложенными датам. Этот перечень показывает, что дата чеканки монеты в основном определяет и хронологию погребального комплекса.⁵ В тех же случаях, когда дирхамы использовались в качестве амулетов-привесок, разрыв между годом чеканки монеты и временем сооружения кургана мог превышать сто лет.

Важные результаты дает анализ этнической принадлежности курганов с восточными монетами. Во всех случаях удалось с достаточной достоверностью определить этнические «паспорта» погребальных комплексов. Среди них к скандинавским относятся восемь, к финским – восемь и к славянским – три комплекса. Конечно, это отнюдь не означает, что в каждом из конкретных погребений захоронен именно скандинав, финн или славянин, а лишь говорит о доминировании определенных этнических черт в традициях оставивших эти погребения коллективов. Кроме того, следует учитывать и наличие общей североевропейской моды того времени.

Необходимо обратить внимание на такой важный факт, что в шести курганах вместе с монетами находились весовые гирьки (курганы № 5, 100, 141, 284, 448, 459), причем трижды дирхамы найдены в кошельках (курганы № 100, 284 и 448) и всегда вместе с ними были гирьки. В четырех комплексах из шести, где монеты находились в сочетании с гирьками, можно достаточно уверенно выявить скандинавские черты.

Рис. 1. Дирхам-привеска из кургана № 297
Тимеревского могильника

ства – торгово-дружинному слою. В этническом отношении этот слой имел смешанный характер (скандинавы, финно-угры, славяне). Однако отмечается определенная специфика, отражающая этнокультурные традиции. Интернациональный состав торгово-дружинной прослойки местного общества подтверждает интерпретация курганов, где обнаружены либо целые дирхамы, либо их фрагменты без вторичного использования в виде привесок или крестиков, т. е. где монеты использованы в погребениях в качестве «обола мертвых»: финно-угорских – 6, скандинавских – 4, славянских – 2.

Два креста из курганов № 417 (Укайлиды, Мосул, Джанах ад-даула Али и Хусам ад-даула ал-Мукаллад, 997 или 999 г.) и № 459 (Мансур ибн Нуух, 969/970 г.) (рис. 2) – самые ранние находки крестов, вырезанных из монет, известные на территории Древней Руси.⁶ Оба крестика имеют неправильную

Круглые привески из монет-дирхамов найдены в пяти курганах: монеты с ушками происходят из богатых погребений, совершенных по обряду ингумации, – курганы № 297 (рис. 1) и 348, монеты с отверстиями – из курганов с погребениями по обряду кремации на месте насыпки курганов (№ 54, 273, 299). Из пяти описанных погребений два являются финскими, три – скандинавскими.

Данная статистика достаточно показательна, и ей можно дать следующую интерпретацию. Восточные монеты найдены, в первую очередь, в погребениях, принадлежащих социальной верхушке обще-

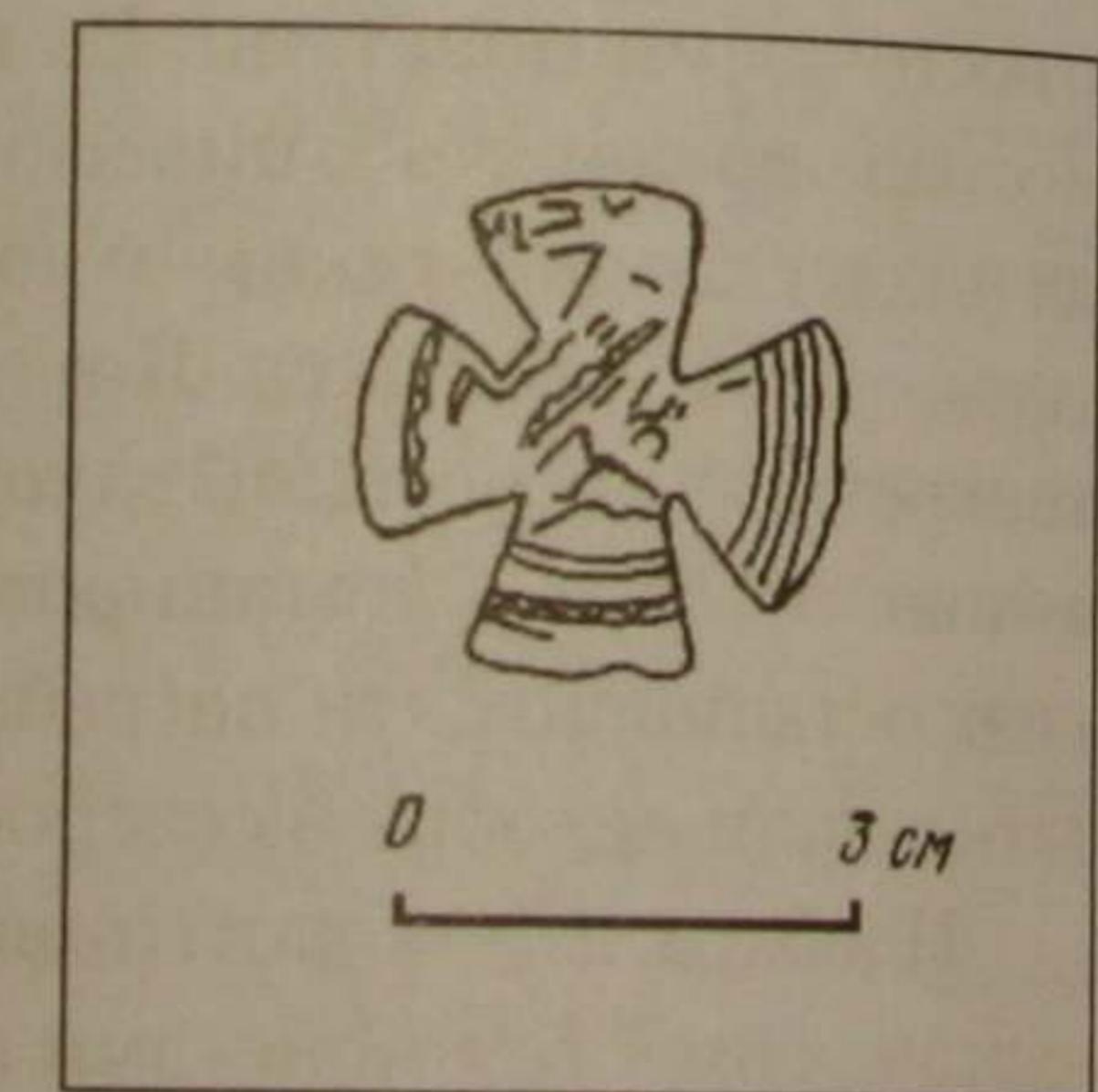

Рис. 2. Крест, вырезанный из дирхама, из кургана № 459
Тимеревского могильника
(по: Равдина, 1988)

Рис. 3. Дирхам с граффито в виде четырехконечного креста из кургана № 237 Тимеревского могильника (Саманиды, Наср ибн Ахмад, 914–943 гг., год и город обрезаны – определение И. Г. Добровольского). Ярославский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, инв. ЯМЗ-7086/26

асимметричную форму и носят следы поспешной работы. Вероятно, подвески были сделаны специально для погребения, незадолго до его совершения. В таком случае крестовидные привески были не просто украшениями, но являлись амулетами, крестами-тельниками, положенными в захоронения с определенными ритуальными целями. Исследователи этих курганов могильника М. В. Фехнер и Н. Г. Недошивина отмечали, что крест из дирхама – не только украшение, но и «ритуальный предмет, связанный с распространением христианской религии», изготовленный специально для погребения, без которого «захоронение считалось невозможным». Из кургана № 237 происходит еще одна интересная монета. Это – обрезанный по кругу дирхам Насра ибн Ахмада (914–943 гг.), на поверхности которого недавно зафиксирован четко прочерченный четырехконечный крест (рис. 3). Монета фрагментирована – отсутствует нижний конец креста. Очевидно, это произошло в процессе изготовления креста при попытке отделить от монеты один из четырех сегментов.

Кресты, вырезанные из монет, являются крайне редкой находкой и характерны исключительно для Древней Руси. Известно еще два креста, но вырезанные из западноевропейских денариев, которые происходят из погребений XI в. (курган 9, погребение № 1 – вторая половина XI в. и грунтовая могила 7 – XI в.) Кемского некрополя в Белозерье.⁷ Эти монеты, очевидно, использовались в качестве христианских символов, а их появление было связано с проникновением христианства в древнерусское общество. Это подтверждается находками на других памятниках Древней Руси денариев и византийских монет, центральным изображением которых является крест, а также с изображениями в виде крестов, в том числе восьмиконеч-

ного, монограммы «Иисус Христос» и надписи «христианство», выполненными на монетах в технике граффити. Первыми же из этих предметов личного благочестия были тимеревские монеты-крести.

В районе Ярославля монетные находки известны также в комплексах двух других «ярославских могильников» — Михайловского и Петровского некрополей. В Михайловском шесть арабских монет обнаружены в пяти комплексах погребений (курганы № 7, 18 — 1897 г., № 27 — 1898 г., № 17, 65 — 1961 г. раскопок). Суммарно курганы датируются X — началом XI в., при этом по два из них относятся к скандинавским и славянским и один — к финскому захоронению. Два из шести дирхамов использовались в качестве привесок.

Архивные изыскания позволили выяснить, что, кроме известной находки в кургане № 78 Петровского могильника, где в трупосожжении (финское захоронение) был обнаружен дирхам-привеска IX—X вв.⁸ в 1880 г. при раскопках семи курганов некрополя слушателями Археологического института, наряду с иными находками, был обнаружен обломок арабской монеты.⁹ Таким образом, на настоящее время в курганах Петровского могильника найдены две арабские монеты. Учитывая перспективность раскопок оставшихся насыпей Тимеревского и Петровского могильников, стоит ожидать новых монетных находок в этих интересных и важных памятниках. Можно только гадать, сколько и какие монеты могли быть обнаружены в результате грабительских и непрофессиональных раскопок могильников под Ярославлем в XIX — начале XX в.

В шести комплексах Тимеревского поселения¹⁰ и в пахотном слое памятника за годы его исследования обнаружено в общей сложности 11 куфических монет и подражаний им, суммарно датируемых VIII—X вв.¹¹ При этом три из них — целые, а две использовались в качестве привесок. Еще один фрагмент дирхама-привески, побывавший в огне, происходит из пахотного слоя и обнаружен на границе поселения и могильника в сезоне 1985 г. Вероятнее всего, эта находка входила в состав одного из захоронений могильника, поскольку в пределах этого пограничного участка было вскрыто несколько распаханных погребений, главным образом по обряду ингумации. Фрагмент серебряного западноевропейского денария, чеканенного в Германии Оттоном III и Адельгейдой (или подражание), датируемый концом X — 40-ми годами XI в., был обнаружен при обследовании культурного слоя поселения близ Михайловского могильника в 1983 г.

В состав археологического комплекса у д. Б. Тимерево входят три клада куфических монет, которые датируются IX в. Первый из них был случай-

но обнаружен в 1967 г., во время сельскохозяйственных работ у небольшой дубовой рощицы на противоположном берегу речки Сечки, напротив основной площадки поселения, и, к сожалению, разошелся среди местного населения. По предварительной оценке, он состоял, как минимум, из 3100 экз. монет. В 1987 г. И. Г. Добровольским было определено 17 монет, находящихся в руках одного из нашедших этот клад. Младшая из известных монет датируется 867 г.¹²

Второй клад, датируемый по младшей монете 869 г., также дошел до нас не полностью. Говоря о количестве монет в данном кладе, в литературе чаще всего называют цифру в 1500 монет.¹³ Однако в период работы Ярославской экспедиции на поселении у д. Б. Тимерево три экземпляра монет из этого клада были получены у местного населения и переданы в Государственный исторический музей. Кроме того, И. Г. Добровольским в 1977 г. было определено 12 монет этого клада из частной коллекции Ю. А. Клейна из г. Куйбышева.¹⁴ Таким образом, общее количество известных монет в кладе 1968 г. составляет 1515 экз. К сожалению, хранящийся в ГИМе почти сорок лет клад по-прежнему не опубликован. Особому рассмотрению подверглись лишь монеты, на которых были зафиксированы сделанные в технике граффити знаки, надписи и рисунки.

На 23 (22?) монетах обнаружены граффити в виде черточек, геометрических знаков, например, в форме «песочных часов», знаков «W», «N», «угол» и в форме ладьи, отдельные лигатуры, две пехлевийские надписи и др. — всего 25 изображений (рис. 4). Е. А. Мельникова выделяет среди монет с граффити пять буквобразных знаков, которые могут быть интерпретированы как скандинавские руны (рис. 5).¹⁵

Третий клад (рис. 6) обнаружен непосредственно на площадке поселения во время раскопок Ярославской археологической экспедиции ЛГУ под руководством И. В. Дубова в 1973 г.¹⁶ Совместно с сотрудником Государственного Эрмитажа, ведущим специалистом по восточной нумизматике И. Г. Добровольским автор находки ввел тимеревский клад в научный оборот.¹⁷ На момент его первой публикации клад насчитывал в своем составе 2618 монет, младшая монета датирована 864/865 г.

Клад в основной своей массе хорошо сохранился, хотя, как и в любом крупном кладе, есть сильно потертые экземпляры, фрагментированные (их — 1134 экз.) и не поддающиеся точному определению. В первоначальной публикации было отмечено 1484 целых монеты, причем в некоторых случаях монеты использовались в качестве украшений — 42 экземпляра пробито, а три монеты были пробиты дважды.

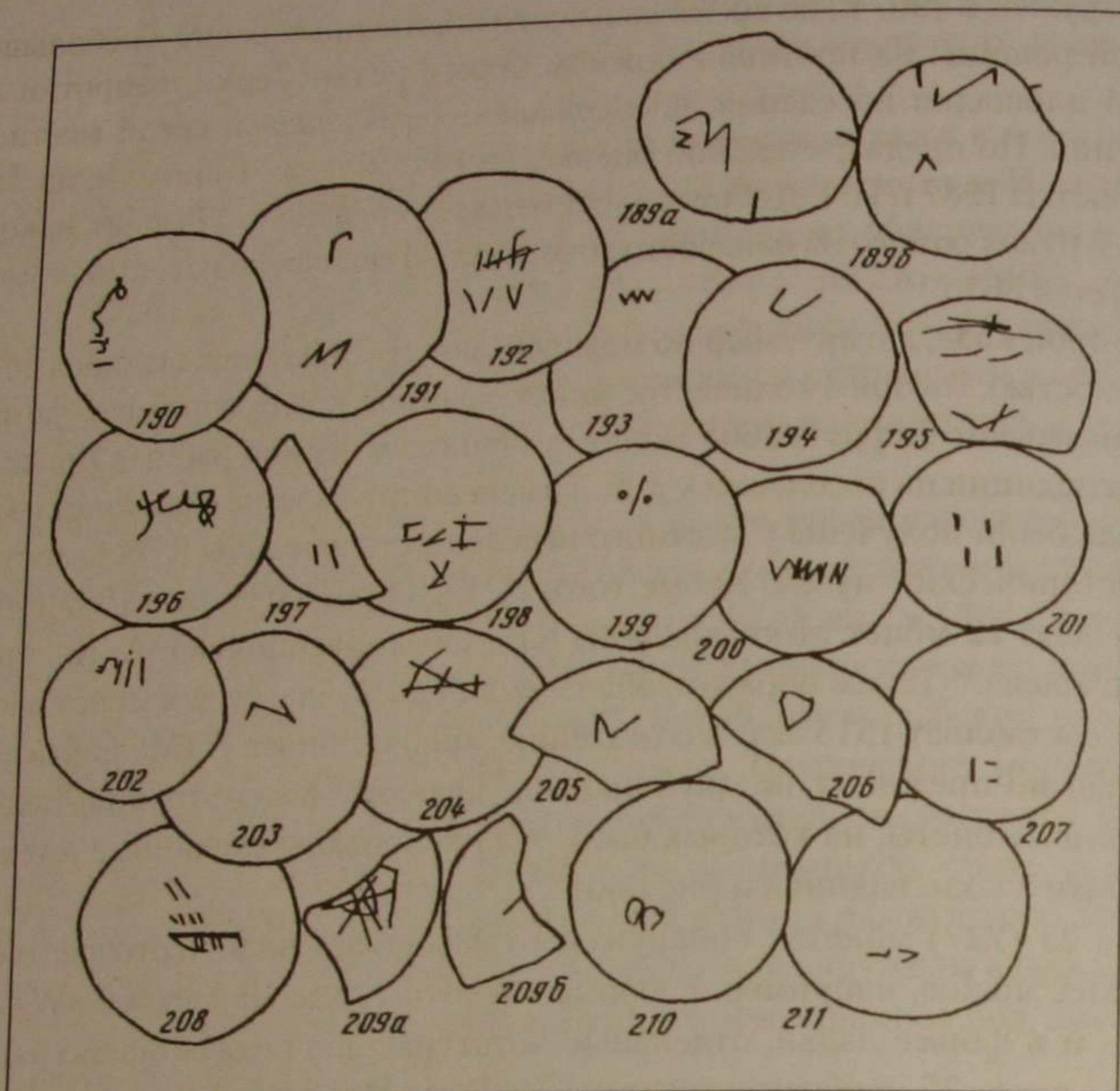

Рис. 4. Граффити на монетах Тимеревского клада 1968 г.
(по: Нахапетян, Фомин, 1994)

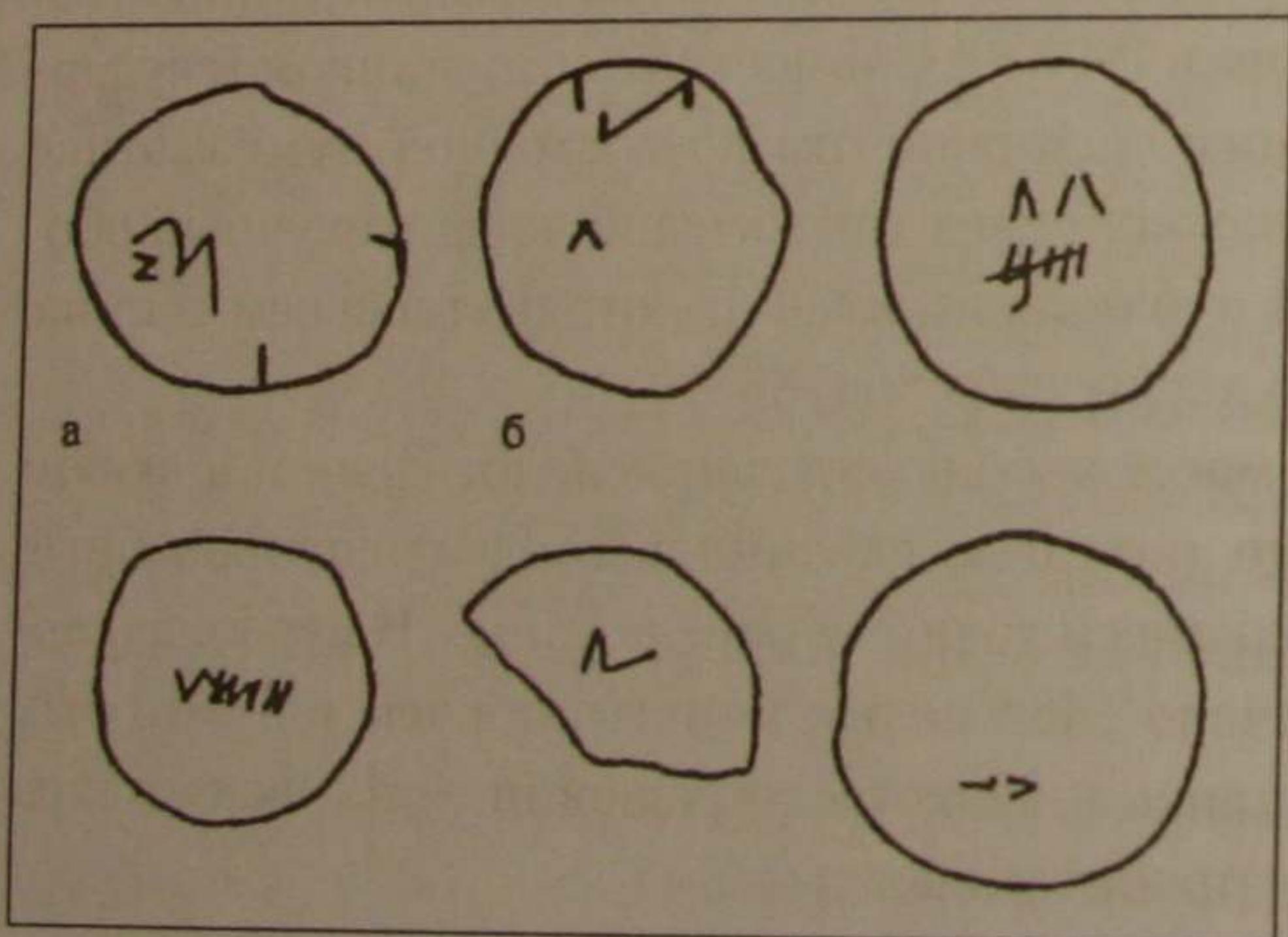

Рис. 5. Рунические граффити
на монетах Тимеревского
клада 1968 г.
(по: Мельникова, 2001)

Рис. 6. Тимеревский клад дирхамов 1973 г.

Основная масса монет была отчеканена во времена правления династии аббасидских халифов; их в кладе 2374 экз. География их чеканки весьма широка – Средняя Азия, Испания, Месопотамия, Сирия, Аравия, Северная Африка, Кавказ. При этом в составе клада были определены достаточно редкие экземпляры, в частности, подражания Аббасидам, половина дирхама хазарского чекана, дирхам Омейядов Испании чеканки 779/780 г., дирхам Идриса II 820/821 г., чеканенный в Ватите, который лишил уникальности экземпляр, чеканенный на этом же монетном дворе и хранящийся в Национальной библиотеке в Париже, и др.

В публикации клада были учтены находки 1973–1974 гг. На одной из монет были зафиксированы остатки ткани от мешковины или грубой ткани, спекшейся с монетным кружком. Клад был нарушен в результате распашки, поэтому монеты обнаружены россыпью. В процессе исследования Тимеревского поселения в 1970–1980-е годы в пахотном слое было обнаружено еще более 140 экз. монет клада. Среди них отмечен ряд редких экземпляров, на двух монетах зафиксированы граффити, в том числе подражание арабской надписи, одна монета с отверстиями для привешивания. Как и основная часть клада, эти монеты чеканены Омейядами, Идрисидами и Аббасидами. При этом новые находки не изменили общую нумизматическую характеристику и датировку клада. Сейчас в его составе 2762 монеты; Тимеревский клад 1973 г. – крупнейший клад арабских монет IX в. в Восточной Европе, а до находки в 1999 г. клада на ферме Спиллингс (приход Отхем на северо-востоке о. Готланд, Швеция) был самым крупным и в Северной Европе.

На одиннадцати монетах клада обнаружены граффити: четыре из них относятся к разряду рунических, в том числе одна надпись, в четырех случаях зафиксированы различные геометрические знаки, на двух монетах процарапаны подражания восточным надписям. На половинке дирхама чеканки 810/811 г. прорисован предмет, напоминающий стрелу или копье (рис. 7, 11). По мнению Е. А. Мельниковой, среди одиннадцати монет с граффити этого клада наибольшее количество составляют буквобразные знаки (на шести монетах), которые могут быть отождествлены со скандинавскими рунами, а на трех вырезаны рунические надписи: древнеисландские «бог», термин «двойной» и, вероятно, форма прошедшего времени единственного числа от глагола «быть, находиться» (рис. 8).¹⁸ Именно обнаружение граффити на монетах Тимеревского клада 1973 г. послужило толчком для активизации изучения монетного материала в стране. В результате совместного труда специалистов разных дисциплин на отечественных материалах был открыт новый исторический источник, имеющий археолого-нумизматичес-

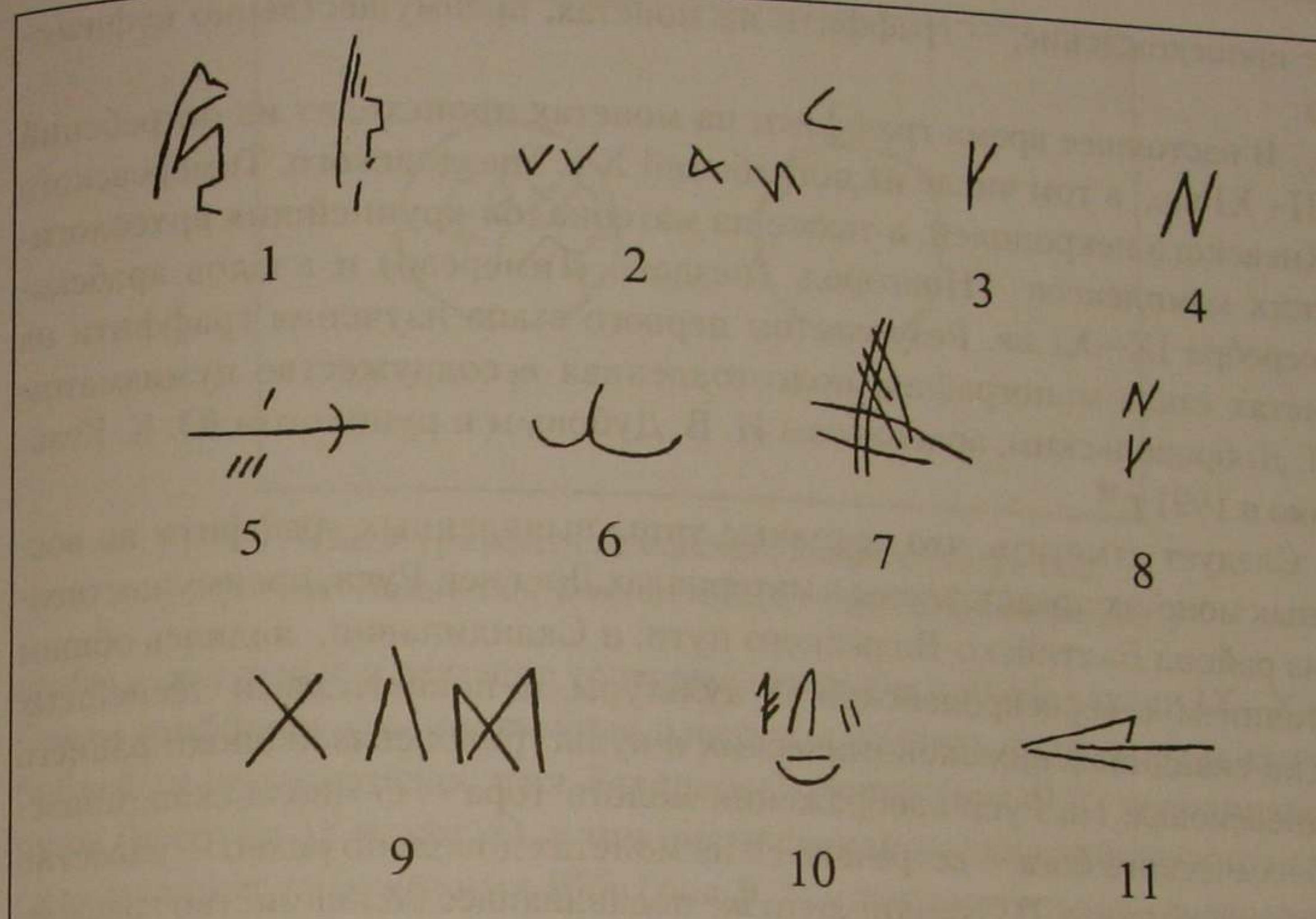

Рис. 7. Граффити на монетах Тимеревского клада 1973 г.
(по: Добровольский, Дубов, Кузьменко, 1991)

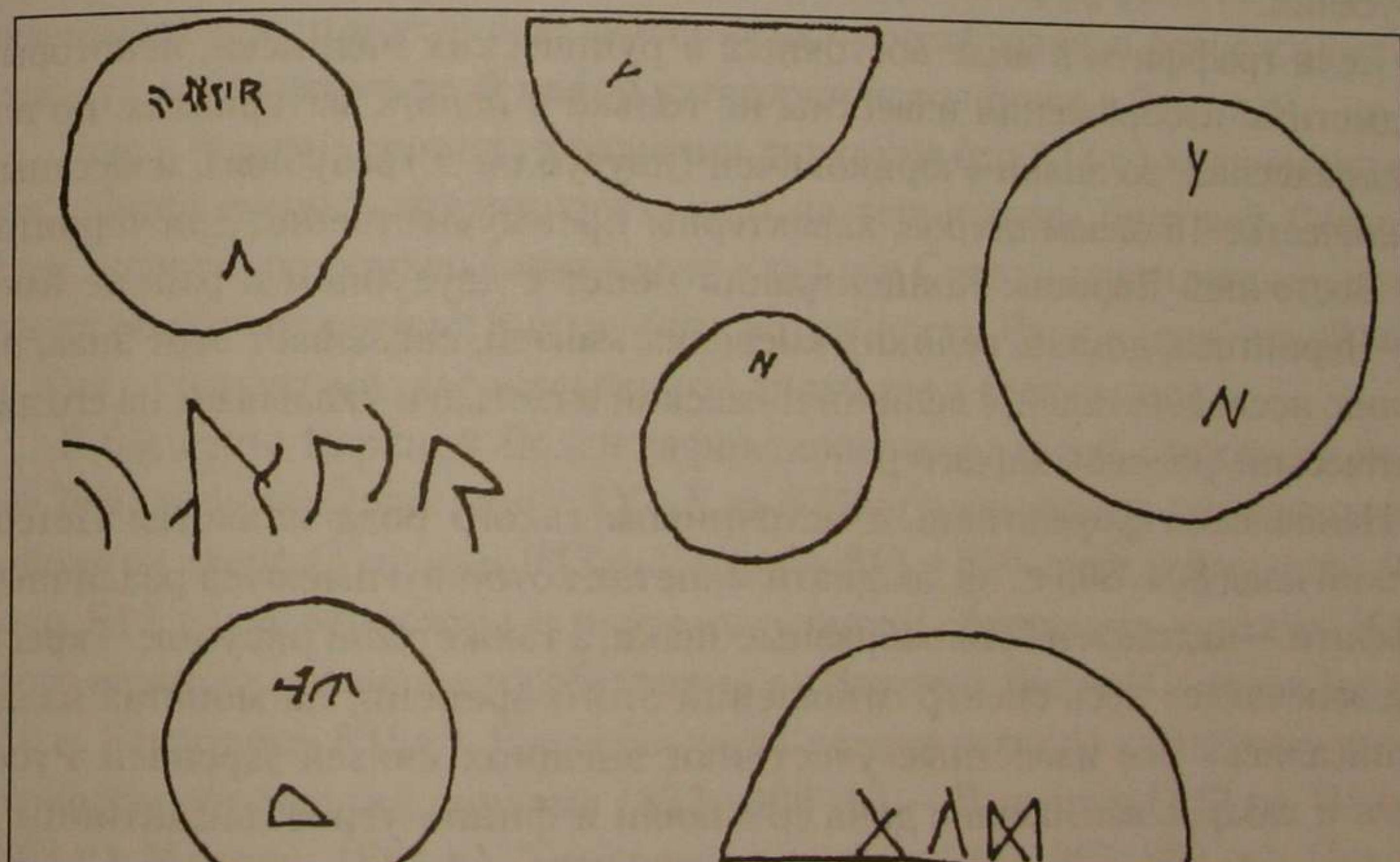

Рис. 8. Рунические граффити на монетах Тимеревского клада 1973 г.
(по: Мельникова, 2001)

кое происхождение, — граффити на монетах, преимущественно куфических.

В настоящее время граффити на монетах происходят из погребений VIII—XI вв., в том числе из погребений Х в. Гнездовского, Тимеревского и Киевского некрополей, а также из материалов крупнейших археологических комплексов (Новгород, Гнездово, Тимерево) и кладов арабского серебра IX—XI вв. Результатом первого этапа изучения граффити на монетах стала монография, подготовленная в содружестве нумизматом И. Г. Добровольским, археологом И. В. Дубовым и рунологом Ю. К. Кузьменко в 1991 г.¹⁹

Следует отметить, что основные типы выявленных граффити на восточных монетах представлены в материалах Древней Руси, преимущественно из района Балтийско-Волжского пути, и Скандинавии, являясь общим достоянием североевропейской ** культуры и показателями теснейших русско-скандинавских экономических и культурных связей эпохи раннего средневековья. На Руси изображения молота Тора — символа скандинавского языческого бога — встречаются на монетах довольно редко — известно лишь семь случаев. В Скандинавии же подавляющее большинство граффити на восточных монетах связаны с культом Тора — либо это изображения молотов Тора (около 150), либо заклинания и посвящения этому богу. Но в целом скандинавский массив источников более однообразен, нежели древнерусский.

Если граффити в виде восточных и рунических надписей, некоторые предметные изображения известны не только в наших материалах, но и в скандинавских, то знаки Рюриковичей (двузубцы и трезубцы), известные в количестве 16 экземпляров, характерны преимущественно для территории Восточной Европы. Концентрация монет с двузубцем в районе Киева — Чернигова, домене великих киевских князей, связывает этот знак, по мнению исследователей, с великокняжеской властью и указывает на его династический, родовой характер.

Наиболее информативным источником такого рода является Петергофский клад 804/805 г., на двадцати монетах которого имеются различные граффити — надписи и буквообразные знаки, а также один рисунок — крест. Клад запечатлел весь спектр отношений этого времени, на монетах клада «расписались» все известные участники внешних связей Древней Руси: варяги и хазары, взимавшие дань со славян и финно-угров, византийцы и

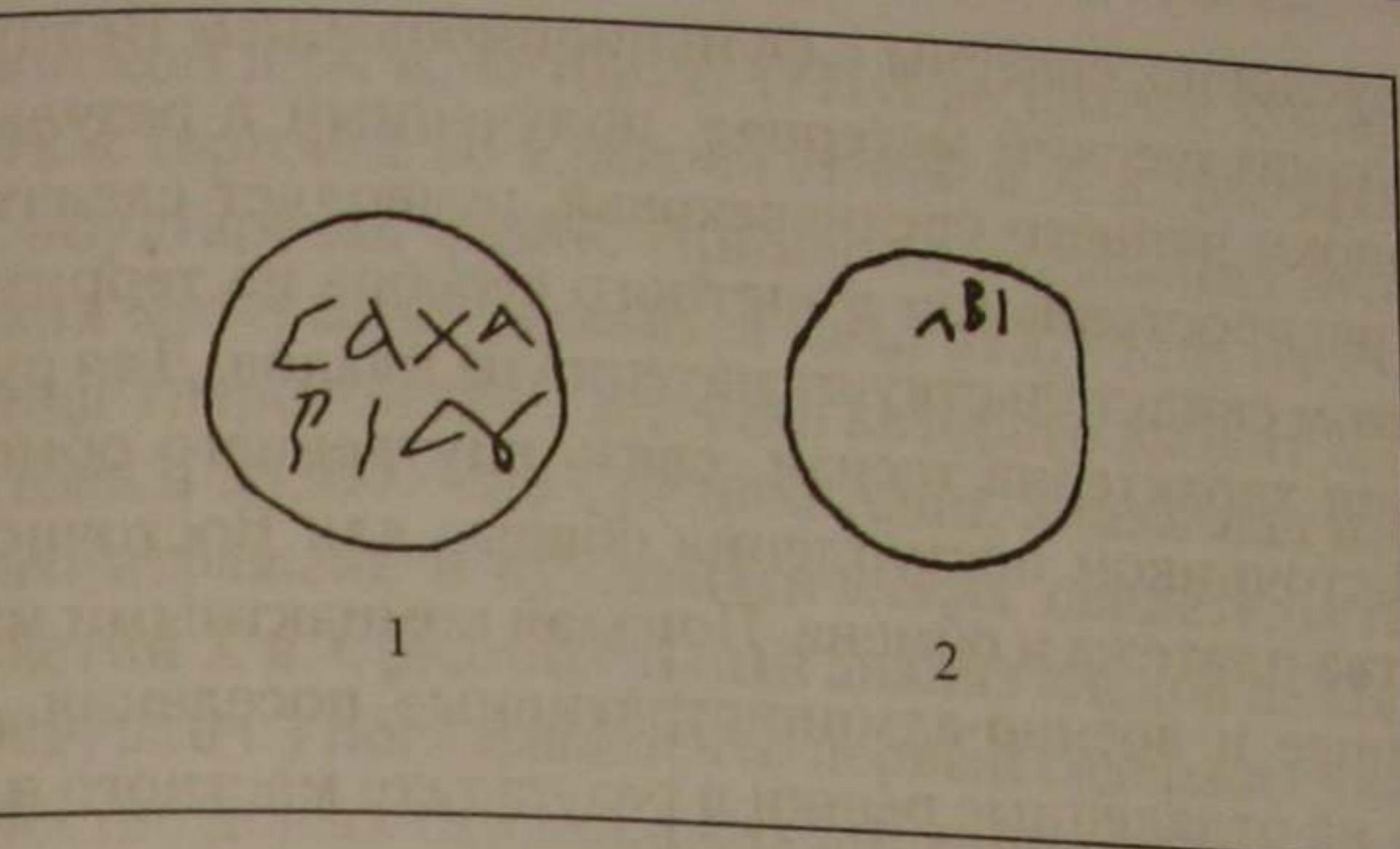

Рис. 9. Граффити на монетах Петергофского клада
(1 — по: Нахапетян, Фомин, 1994; 2 — по: Мельникова, 2001)

арабы — активные и ведущие торговые партнеры русов и славян IX—X вв.²⁰ Среди граффити — единственная известная надпись на греческом языке — библейско-христианское имя Захариас/Захария (рис. 9,1), скандинавские руны (всего на 13 монетах), в том числе скандинавские рунические надписи — древнеисландское имя Убби (рис. 9, 2) и прилагательное «полновесный, ценный», тюркские (хазарские) руны (на четырех монетах) и, наконец, собственно арабские надписи (на двух монетах, помимо надписей монетного чекана), в том числе надпись «хвала Аллаху!». В целом эти находки характерны для огромной территории Северной Европы. Граффити на монетах — явление интернациональное, значение их многообразно, и, безусловно, надо ожидать пополнения этой новой категории источников в будущем.

Еще в первый период обращения дирхамов (до 833 г.) количество кладов, обнаруженных преимущественно на территории будущей Северной Руси, значительно превышает число кладов в Скандинавии, что свидетельствует об ориентации на внутренние потребности Руси в серебряной монете, а не о транзитном характере ввоза дирхамов в этот период.²¹

В бассейне Верхней Волги зафиксировано в общей сложности не менее 20 кладов арабских монет IX—X вв.²² Наиболее ранние сосредоточены в районе оз. Неро (Угодичи, 813 г., Сарское, 814 и 820-е гг.), у Дмитрова (Глухово, 812 г.) и относятся к первому периоду обращения дирхама. Клады этого периода отмечены и собственно на Верхней Волге (Семенов Городок, 810 г., Загородье, 831 г.). Бульшая часть кладов региона датируется вторым периодом обращения дирхама (833—900 гг.) — Выжегша (842 г.), Панкино (863 г.), Иловец (864 г.), Тимеревские клады (865, 867, 869 гг.), Потерпелицы (866 г.), Кузнецкое (870-е гг.), Шумилово (871 г.), клады Торопецкой округи, московские клады, клады по р. Оке и др.²³ Все отмеченные наход-

** Под Северной Европой понимается не только собственно Скандинавия, но и весь Балтийский регион, включающий северную часть Восточной Европы.

ки кладов, безусловно, связаны с функционированием Великого Волжского пути. Нумизматический материал, полученный в результате раскопок памятников эпохи раннего средневековья, позволяет сделать вывод о более широком распространении монетного серебра на территории Древней Руси, чем об этом свидетельствуют материалы кладов. Для русского денежного обращения характерна тесная связь внутреннего обмена с внешней торговлей — источником поступления общего для Восточной и Северной Европы средства платежа и обмена. Попадая компактными массами на торгово-ремесленные и военно-административные поселения, монеты затем перемещались на отдаленные рынки в результате местного или территориального обмена — путем постепенного перехода от одного местного рынка к другому. Памятниками таких интенсивных и многоступенчатых торговых операций являются клады длительного накопления, в том числе денежно-вещевые, а также монетные находки в инвентаре погребений этого периода. В эти операции было втянуто разноязыкое население территорий, по которым пролегали торговые пути. Результатом таких торговых операций было распределение в памятниках различных видов артефактов, связанных с торговлей или функционированием торгово-ремесленных поселений с полиглазничным населением. Однако если первый период обращения дирхама (конец VIII — 833 г.) во многом связан с факторами внешнеэкономическими,²⁴ то во второй период (833—900 гг.) Волжский путь — единственная магистраль транзитного торгового движения — также активно используется для внутренних торговых операций.

Клады дирхамов, сокрытые во второй половине IX в., преимущественно состояли из аббасидских монет с Ближнего Востока, большинство их было чеканено в первой половине столетия, многие датируются временем до 820 г. Нумизматические данные²⁵ свидетельствуют, что приток дирхамов в Восточную Европу через Хазарию в период около 880—900 гг. был прерван вследствие какого-то кризиса. Около 900 г. исламская торговля с Русью была кардинальным образом видоизменена. В Восточной Европе стало появляться большее количество новых дирхамов, чеканенных на саманидских монетных дворах Средней Азии. Незначительное количество монет продолжало экспорттироваться на север через Каспий и Кавказ, однако большинство дирхамов, появившихся в Восточной Европе в течение X в., попало туда по караванным маршрутам, которые пролегали из Средней Азии и Хорезма через уральские степи в Волжскую Болгарию. В начале 920-х годов такой маршрут следования использовал Ибн-Фадлан, путешествуя по землям Булгарии. Таким образом, около 900 г. в торговле Руси с исламским миром началась значительная переориентация. Торговля

с Ближним Востоком в IX в., которую Т. Нунан назвал «хазарской фазой», проложила путь к торговле со Средней Азией в X в., обозначенной исследователем как «булгарская фаза». Примером отражения этого процесса в нумизматических материалах является клад 913/914 г. из д. Пальцево Торопецкого района Тверской губ., в состав которого входит 3,1% дирхамов с Ближнего Востока и 96,9% — из Средней Азии. Указанная переориентация была полностью отражена в нумизматических свидетельствах только во втором десятилетии X в. Сравнительный анализ кладов из Пальцево и Ленциховщины (909/910 г.) показывает, что первый содержит уже значительно большее количество новых саманидских дирхамов.²⁶ О длительном использовании северных притоков верховий Западной Двины для продвижения в Балтийский бассейн (оз. Ильмень) свидетельствуют два клада IX в., обнаруженные недалеко от Пальцево в той же Торопецкой округе (клады 816 и 867 гг.).²⁷

Три тимеревских клада, как и другие клады этого периода, преимущественно состояли из аббасидских дирхамов, т. е. их соотношение с другими монетами клада обычно составляло 85% и более.²⁸ Как правило, они содержат небольшое количество омейядских дирхамов (до 7%) и очень небольшое количество дирхамов других династий (Идрисидов, Хараджидов, Алидов Табаристана и др.). Крупнейший клад из Б. Тимерева имеет в своем составе все необходимые для кладов этого периода компоненты²⁹ и сходен с ними по составу, поэтому с полным основанием может быть отнесен к числу типичных кладов, зарытых в эпоху Рюрика.³⁰

Статистическая таблица времени и количества кладов в Восточной Европе по периодам³¹ свидетельствует, что в период 860—879 гг. количество выпавших кладов значительно увеличилось: именно в эти годы было захоронено более половины всех дирхамов, зарытых в Восточной Европе между 780 и 899 гг. Однако анализ композиций кладов этого периода показывает, что многие из дирхамов, импортированных в Восточную Европу *до времени правления Рюрика*, еще долго оставались в обращении.

Так, в большом тимеревском кладе 865 г. лишь 2% дирхамов было чеканено после 862 г., а более 88% — в предшествующий период. В кладе из Любыни (873 г.) только 30% монет были отчеканены после 862 г., а 70% — ранее. В кладе из Шумилова (870 г.) 63% дирхамов были чеканены до 819 г., 18% — между 820 и 859 гг. Соответствующие данные для клада из Погребного (875 г.) — 72 и 12%; для клада из Бобылей (875 г.) — 62 и 17%; для клада из Хитровки (876 г.) — 68 и 18%.³²

Сравнение состава восточноевропейских кладов этого периода с составом кладов с Ближнего Востока с убедительностью показывает, что они

различны – в 860–870-е годы на Ближнем Востоке обращалось совсем немного старых дирхамов. Так, известный клад 878/879 г. из Сузы (Иран) содержал в своем составе 90% дирхамов, отчеканенных в 860–870-х годах. Таким образом, большинство старых дирхамов, бывших в обращении в Восточной Европе во времена Рюрика, попали туда до 860 г., в период *предшествующих интенсивных русско-исламских торговых связей*. Об интенсивности этих связей свидетельствуют многочисленные клады первой половины столетия.

Как считает В. Н. Рябцевич, «упадок экономики на определенной территории может иметь своим выражением резкое увеличение числа монетных захоронений только в том случае, если территория эта обладала ранее (курсив наш. – В. С.) достаточно развитыми товарно-денежными отношениями».³³ Именно эти, скопившиеся ранее сокровища в период экономического упадка и военной нестабильности помещались в землю «до лучших времен».

Очевидно, что накопленные в Восточной Европе в предшествующий призванию Рюрика период богатства в виде серебряных дирхамов и привлекали викингов в русские земли. Основной целью проникавших в глубь восточноевропейской территории групп викингов было подчинение местного населения, обложение его регулярной данью, контроль над участками Великого Волжского пути – основной магистрали поступления восточного серебра, т. е. борьба за доминирующее положение в русско-исламской торговле. Военно-политическая нестабильность в эпоху Рюрика способствовала тому, что накопленные ранее дирхамы стали попадать в землю. Клады этого периода зафиксированы на основной государственной территории того времени, в столицах – Новгород (864 г.), два клада Рюрикова городища 860-х годов, Ладога (см. ниже), на путях, контролировавшихся, очевидно, сторонниками Рюрика (Панкино, 863 г., Иловец, 864 г., Потерпильцы, 866 г., Москва, 866 г., Супруты, 866 г., Торопецкая округа, 867 г., Шумилово, 871 г., Кузнецкое, 870-е годы, и др.), в военно-торговых и военно-административных центрах, основанных в этот период (три тимеревских клада 860-х гг.). Кроме того, учитывая существовавшую в Восточной Европе традицию помещения серебра в землю с целью сбережения сокровищ,³⁴ можно предположить, что в число кладов, отражающих следствие этих бурных событий, должны быть включены сбережения, не востребованные, не изъятые из-за тревожной обстановки, но спрятанные в землю до ее наступления, т. е. в период, предшествующий событиям 860-х годов. К таким кладам, очевидно, примыкают клады, обнаруженные на Западной Двине – Даугаве, датируемые по младшей монете временем до призыва Рюрика – Ахремцы,

852 г., Гробин, 853 г., Соболево, 857 г., и эпохой Рюрика – Лучёсы, 862 г., Витебская губ., 866 г., Лифляндская губ., 872 г.³⁵ Как и «среднеокский» сгусток кладов (Растовец, 864 г., Борки, 867 и 869 гг., Мишнево, 869 г., Гручино, 860-е гг., Острогов, 870 г., Хитровка, 873 г., Железницы, 878 г.), клады по этой водной магистрали – Западная Двина – Даугава – обязаны своим появлением, вероятно, поискам новых вариантов торговых путей зарождающегося государства.

Упомянутый выше ладожский клад дирхамов с младшей монетой 847 г., исходя из стратиграфического анализа, был спрятан, по данным О. И. Давидан, очевидно, не ранее чем с уровня горизонта Е-1, т. е. начиная с 870-х годов.³⁶

Вспышкой военных действий, «которые нарушили картину нормального, равномерного и довольно редкого невостребования кладов», объясняют исследователи появление двух «сгустков» кладов (волго-балтского и среднеокского) в период 862–878 гг.³⁷ Неспокойное время отразилось, очевидно, и в другом виде памятников – в погребальных древностях: наиболее ранние захоронения со скандинавскими чертами обрядности юго-восточного Приладожья, Гнездова, Тимерева и др. датируются именно этим временем.³⁸

Таким образом, очевидно, следует согласиться с исследователями,³⁹ которые считают начальный период становления древнерусского государства – эпоху Рюрика – временем обращения огромного количества дирхамов, поступивших в пределы Восточной Европы до 860 г., скромного уровня коммерческих отношений с Востоком и интенсивных столкновений в землях, включаемых в состав молодого государственного образования. Сложившаяся ситуация способствовала скрытию больших кладов серебра (Тимерево, Любынь и др.) именно в этот период.

Вопрос о причинах скрытия кладов восточных монет уже давно находится в центре внимания исследователей. В древности помещение денег в землю или в тайники было обычным и распространенным явлением, что обусловлено отсутствием возможности организованного и надежного их хранения. Кроме того, земля как древний «сейф» обеспечивала сохранность денег во время частых в эпоху средневековья пожаров. Письменные источники фиксируют клады как способ хранения ценностей уже со второй половины XI в. («Повесть о крещении Владимира», «Чтение о Борисе и Глебе», «Печерский патерик» и др.). Иноzemцы, посетившие русские земли в XVI–XVII вв., отмечали в своих записках странный, по их мнению, русский обычай хранить деньги в земле (Дж. Флетчер, конец XVI в.; А. Мейерберг, середина XVII в.) «по обычаю, заимствованному от предков».⁴⁰ Важность

этих сообщений состоит в том, что они фиксируют распространенность на Руси сокрытия денег в обычной, мирной обстановке.

Распространенному мнению о преимущественном сокрытии кладов в периоды общественных потрясений противоречит и *щательная подготовка* перед зарытием в землю обнаруженных кладов, требующая неторопливости, — помещение в горшок, залитый затем воском или смолой, например, клад из д. Пальцево, о котором шла речь выше, Киевские клады 1851 и 1913 гг. и др.

В Древней Руси и в Скандинавии известно большое число кладов восточных монет. По количеству найденного в них серебра они значительно превышают количество сделанных из него украшений и амулетов. Большое значение для выяснения причин сокрытия кладов дирхамов имеют обнаруженные на некоторых кладовых монетах граффити в виде отдельных рунических знаков или даже целых надписей.

Причины сокрытия кладов у северных народов в эпоху раннего средневековья весьма разнообразны и, очевидно, не имеют однозначных решений. Вслед за учеными-нумизматами можно разделить все клады этого периода на две группы: *экономические*, или *возвратные*, сокрытые с целью сохранения, и *культовые*, или *безвозвратные*, — жертвы, приношения.

На ранних этапах развития денежного обращения формирующихся феодальных государств функция накопления стимулирует интенсивное образование *сокровищ*. Излишки денег в крупных торгово-ремесленных и военно-административных центрах могли оседать в земле и превращаться в сокровище, которое могло быть востребовано в моменты «денежного голода».

Можно предполагать, что, несмотря на активное участие в трансъевропейской торговле, культурных, политических и иных связях, для населения Древней Руси, да, впрочем, и Скандинавии, клады не были в полной мере явлением экономическим, и богатству, видимо, придавался в некоторых случаях *сакральный характер*. Это характерно для определенной стадии общественного развития. Так, в период расцвета Великого Волжского пути и интенсификации дальних торговых связей в X в. клады практически отсутствуют, в то время как разнообразие импорта свидетельствует о широком участии местного населения в международной торговле. Можно думать, что в IX–X вв. внешний и внутренний обмен находился на таком уровне, когда в операции участие торгового эквивалента (в данном случае — арабской серебряной монеты) было необязательно и поэтому сокровища попадали в землю.

Одно из рунических граффити, обнаруженное на монете из тимеревского клада 865 г., дает основания сделать определенные предположения о причинах сокрытия этого клада. Надпись интерпретирована как «Бог» (рис. 10). Следовательно, данная монета могла входить в состав культового клада или просто придавала зарытому сокровищу сакральный характер. Анализ сохранности монеты позволил Е. А. Мельниковой заключить, что «надпись была сделана за некоторое время до зарытия клада».⁴¹ В шведских кладах на монетах с граффити надписи старшими рунами *gud* (бог) и надписи младшими рунами *kiþ* с тем же значением — наиболее часты.⁴² Из 1174 монет с граффити, введенных в оборот И. Хамарбергом и Г. Рисплингом, слово «бог» встречено 1072 раза, иногда до 10 раз на одной монете. Кроме Тимерева, на территории Восточной Европы монеты с аналогичными граффити были встречены в кладах еще дважды — в Киеве, в так называемом «Иорданском кладе» 943 г., и в кладе 955 г., обнаруженному у д. Копиевка Винницкой области Украины.⁴³ Еще две монеты неизвестного происхождения с аналогичной надписью хранятся в фондах Эрмитажа и Исторического музея в Киеве.

Анализ нумизматических материалов региона Поволжья выявил некоторые особенности отдельных его областей. Так, для Верхнего Поволжья (Тверская, Ярославская обл.) характерно наличие значительного числа кладов восточных монет, в том числе первого периода обращения дирхама, на фоне отдельных находок. В Тверской области зафиксировано не менее 15 кладов восточных монет, а также многочисленные их находки из комплексов курганных древностей. Из Ярославской области происходит не менее 8 кладов восточных монет, причем, за исключением клада из с. Новоселка (Белогостицы), — все они первого и второго периодов обращения дирхама. Кроме охарактеризованных выше находок из комплексов «ярославских» могильников — Тимеревского, Михайловского и Петровского и из материалов исследований Тимеревского поселения, значительное число ранних монет происходит из дореволюционных раскопок «владимирских» курганов и современных исследований в Угличе.⁴⁴ Клады Верхнего Поволжья в целом отличаются от других территорий поречья, прежде всего хронологически.

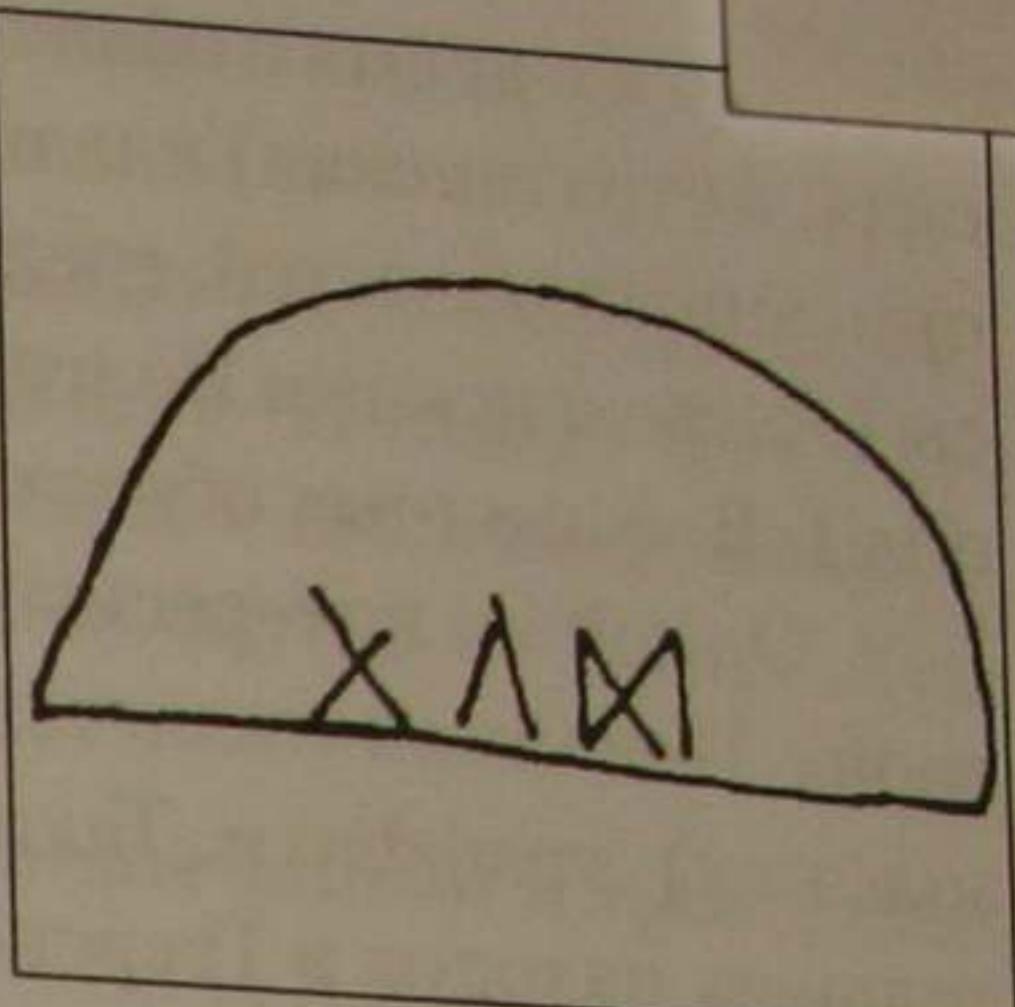

Рис. 10. Надпись «Бог» на монете из Тимеревского клада 1973 г. (по: Мельникова, 2001)

В то же время в областях Нижнего Поволжья (Саратовская, Волгоградская, Астраханская) клады не зафиксированы вовсе, но, в отличие от вышеописанных областей, среди находок присутствуют медные монеты – фельсы (Астраханская и Волгоградская обл.) и золотые – динары (Астраханская обл.). В указанных областях находки восточных монет единичны.⁴⁵

Одной из интересных и важных характеристик монетных находок региона Поволжья является наличие на восточных монетах (серебряных и золотых) граффити. Такие монеты зафиксированы в составе кладов и отдельных находок в Тверской, Ярославской, Астраханской областях и в Республике Татарстан.

В целом монетные находки Тимерева отражают специфику и насыщенность территории Верхневолжья кладами первого и второго периодов обращения дирхама и многочисленными находками из комплексов курганных древностей. Дальнейшие археологические исследования в регионе Верхней Волги и всей Северной Руси в целом, так же как и обсуждение существующих в науке проблем, безусловно, принесут новые находки и открытия и позволят полнее воссоздать раннесредневековую историю одного из важнейших регионов – Северо-Восточной Руси.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Курганы № 5, 31, 54, 95, 100, 120, 125, 141, 229, 237, 273, 278, 284, 297, 299, 348, 417, 448, 459, 470 и два распаханных кургана из раскопок 1987 и 1989 гг.

² Недошивина Н. Г., Фехнер М. В. Погребальный обряд Тимеревского могильника // СА. 1985. № 2. С. 108–110.

³ Равдина Т. В. Погребения X–XI вв. с монетами на территории Древней Руси. Каталог. М., 1988. С. 114–115.

⁴ Добровольский И. Г., Дубов И. В., Седых В. Н. Монетные находки в Ярославском Поволжье и их значение для этносоциальных и хронологических характеристик комплексов // Монеты, медали, жетоны. Сб. ст./ Под ред. А. С. Мельниковой и В. М. Потина. М., 1996. С. 175–191.

⁵ Дубов И. В., Седых В. Н. К вопросу о датировке тимеревских курганов на основе нумизматического материала // Шестая Всероссийская нумизматическая конференция. Санкт-Петербург, 20–25 апреля 1998 г. Тезисы докладов и сообщений. СПб., 1998. С. 78–80.

⁶ Недошивина Н. Г. Средневековые крестовидные подвески из листового серебра // СА. 1983. № 4. С. 223–224.

⁷ Седых В. Н. О функциях монет в погребениях Древней Руси // Девятая Всероссийская нумизматическая конференция. Великий Новгород, 16–21 апреля 2001 г. Тезисы докладов и сообщений. СПб., 2001. С. 106–108; Sedykh V. N. On the Functions of Coins in Graves in Early Medieval Rus' // Russian History. Vol. 32. N 3-4. Chicago, 2005. P. 471–478.

⁸ Добровольский И. Г., Дубов И. В., Седых В. Н. Монетные находки в Ярославском Поволжье... С. 177.

⁹ Калачов Н. В. Об осмотре летом и осенью 1880 г. членами и слушателями Археологического Института памятников древностей и их работах в архивах // Сборник Археологического института. Кн. 5, первая половина. СПб., 1881. С. 4–5; Обзорение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении (продолжение) // ЗРАО. Т. XI, вып. 1 и 2. Новая серия. Труды отделения славянской и русской археологии. Книга четвертая. СПб., 1899. С. 219–225.

¹⁰ Комплексы № 17, 19, 50 и 52 раскопок 1976 г., № 1 – 1984 г., № 1 – 1985 г.

¹¹ Добровольский И. Г., Дубов И. В., Седых В. Н. Монетные находки в Ярославском Поволжье... С. 182–184, 191, табл. 2.

¹² Там же. С. 185.

¹³ См., например: Нахапетян В. Е., Фомин А. В. Граффити на куфических монетах, обращавшихся в Европе в IX–X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1991 год. М., 1994. С. 146; Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации. Тексты, перевод, комментарий. М., 2001. С. 103.

¹⁴ Добровольский И. Г., Дубов И. В., Седых В. Н. Монетные находки в Ярославском Поволжье... С. 184.

¹⁵ Нахапетян В. Е., Фомин А. В. Граффити на куфических монетах, обращавшихся в Европе в IX–X вв. ... С. 144–169, 186–187; Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи... С. 128 –129.

¹⁶ Дубов И. В. Ярославская экспедиция // АО 1973 года. М., 1974. С. 51.

¹⁷ Добровольский И. Г., Дубов И. В. Комплекс памятников у деревни Большое Тимерево под Ярославлем (по археологическим и нумизматическим данным) // Вестник ЛГУ. Сер. истории, языка, литературы. 1975. № 2. С. 65–70.

¹⁸ Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи... С. 126–128.

¹⁹ Добровольский И. Г., Дубов И. В., Кузьменко Ю. К. Граффити на восточных монетах. Древняя Русь и сопредельные страны. Л., 1991.

- ²⁰ Мельникова Е. А., Никитин А. Б., Фомин А. В. Граффити на куфических монетах Петергофского клада начала IX в. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1982 год. М., 1983. С. 26–47; Лебедев Г. С. Петергофский клад начала IX века как источник по ранней истории Руси // Клады: состав, хронология, интерпретация. Материалы тематической научной конференции. СПб., 2002. С. 21–35.
- ²¹ Янин В. Л. Русские денежные системы IX–XV вв. // Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985. С. 364–375.
- ²² Носов Е. Н. Нумизматические данные о северной части Балтийско-Волжского пути конца VIII–X вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. VIII. Л., 1976. С. 95–110; Дубов И. В. Великий Волжский путь. Л., 1989. С. 175–180.
- ²³ Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956; Носов Е. Н. Нумизматические данные о северной части Балтийско-Волжского пути... С. 95–110; Дубов И. В. Великий Волжский путь. С. 175–180; Нунан Т. С., Ковалев Р. К. Неизвестный клад начала IX в. из имени М. А. Оболенского Дмитровского уезда Московской губернии // Археологические вести. № 7. СПб., 2000. С. 206–213.
- ²⁴ Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья... С. 90.
- ²⁵ Noonan T. S. The First Major Silver Crisis in Russia and the Baltic. P. 875–900 // Hikuin, 11 (1985). P. 41–50.
- ²⁶ Ковалев Р. К. Клад дирхамов 913/914 г. из деревни Пальцево Тверской губернии // Клады: состав, хронология, интерпретация. Материалы тематической научной конференции. Санкт-Петербург, 26–29 ноября 2002 г. СПб., 2002. С. 160–164.
- ²⁷ Фасмер Р. Р. Список монетных находок, зарегистрированных Секцией нумизматики и глиптики Академии истории материальной культуры в 1920–1925 гг. // Сообщения ГАИМК. Т. II. Л., 1929; Носов Е. Н. Нумизматические данные о северной части Балтийско-Волжского пути... С. 104–105.
- ²⁸ Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья...; Noonan T. S. Ninth-Century Dirham Hoards from European Russia: A Preliminary Analysis // Viking-Age Coinage in the Northern Lands: The Sixth Oxford Symposium on Coinage and Monetary History. BAR. International Series 122 (1). Oxford, 1981. P. 63–71. Table C.
- ²⁹ Добровольский И. Г., Дубов И. В. Комплекс памятников у деревни Большое Тимерево... С. 65–70.
- ³⁰ Седых В. Н.: 1) Северная Русь в эпоху Рюрика по данным археологии и нумизматики // Ладога и истоки российской государственности и культуры. СПб., 2003. С. 84–96; 2) Клады эпохи Рюрика: свидетельства активной международной торговли или сильных общественных потрясений? // Восточная Европа в древности и средневековье. Время источника и время в источнике. XVI Чтения памяти члена-
- Монетные находки в Тимерево в контексте нумизматических данных... 255
- корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пащуто. Москва, 14–16 апреля 2004 г. Материалы конференции. М., 2004. С. 180–187; 3) Клады эпохи Рюрика: археолого-нумизматический аспект // Тринадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Москва, 11–15 апреля 2005 г. Тезисы докладов и сообщений. М., 2005. С. 106–107.
- ³¹ Нунан Т. С., Ковалев Р. К. Клад 873/74 гг. из Любины: войны и захоронение кладов в эпоху Рюрика // Клады: состав, хронология, интерпретация. Материалы тематической научной конференции. Санкт-Петербург, 26–29 ноября 2002 г. СПб., 2002. С. 154.
- ³² Нунан Т. С., Ковалев Р. К. Клад 873/74 г. из Любины: войны и захоронение кладов в эпоху Рюрика... С. 154; Седых В. Н.: 1) Верхнее Поволжье в системе Великого Волжского пути (по археолого-нумизматическим данным) // Великий Волжский путь. Материалы II этапа Международной научно-практической конференции «Великий Волжский путь», Санкт-Петербург – Стокгольм – Санкт-Петербург, 5–14 августа 2002 г. Часть II. Казань, 2003. С. 137–145; 2) Клады эпохи Рюрика: свидетельства активной международной торговли... С. 183–184.
- ³³ Рябцевич В. Н. Некоторые вопросы тезаврации сокровищ // Вопросы истории древнего мира и средних веков. Минск, 1970. С. 161.
- ³⁴ Дубов И. В., Седых В. Н. О возможных причинах скрытия кладов восточных монет в Древней Руси и Скандинавии // Клады: состав, хронология, интерпретация. Материалы тематической научной конференции. Санкт-Петербург, 26–29 ноября 2002 г. СПб., 2002. С. 11–14.
- ³⁵ Марков А. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб., 1910; Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья...
- ³⁶ Мачинский Д. А. Почему и в каком смысле Ладогу следует считать первой столицей Руси // Ладога и Северная Евразия от Байкала до Ла-Манша. Связующие пути и организующие центры. Шестые чтения памяти Анны Мачинской. Сб. ст. СПб., 2002. С. 5–38.
- ³⁷ Булкин В. А., Мачинский Д. А. Русь конца VIII – начала X в. на балто-волжском и балто-донском путях // Финно-угры и славяне. (Проблемы историко-культурных контактов). Сыктывкар, 1986. С. 14.
- ³⁸ Седых В. Н. Верхнее Поволжье в системе Великого Волжского пути (по археолого-нумизматическим данным)... С. 142.
- ³⁹ См., например: Нунан Т. С., Ковалев Р. К. Клад 873/74 г. из Любины: войны и захоронение кладов в эпоху Рюрика... С. 152–156; и др.
- ⁴⁰ Мейерберг А. Путешествие в Москвию // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 1, разд. 4. М., 1873.
- ⁴¹ Мельникова Е. А. Скандинавские runические надписи... С. 128.

⁴² Добровольский И. Г., Дубов И. В., Кузьменко Ю. К. Граффити на восточных монетах... С. 42, 104; Нахапетян В. Е., Фомин А. В. Граффити на куфических монетах, обращавшихся в Европе в IX–X вв. ... С. 143.

⁴³ Мельников Е. А. Скандинавские рунические надписи... С. 128–151.

⁴⁴ Томсинский С. В. Углече Поле в IX–XIII веках. СПб., 2004. С. 117–118.

⁴⁴ Добровольский И. Г., Шагурина Г. Б., Седых В. Н. О топографии находок сасанидских и куфических монет региона Поволжья // Одиннадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Санкт-Петербург, 14–18 апреля. 2003 г. Тезисы докладов и сообщений. СПб., 2003. С. 66–67.

ПЕРВЫЙ РЕМЕСЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС X в. НА РЮРИКОВОМ ГОРОДИЩЕ

Экспедиция Института истории материальной культуры РАН в 2006 г. провела очередной сезон систематических раскопок Рюрикова городища, начатых в 1975 г. К юго-востоку от кладбища, расположенного у церкви Благовещения, был заложен раскоп площадью 240 кв. м. Он непосредственно смыкался с раскопом 2005 г. и одним из раскопов 1980 г., а также с траншееей 1989 г. Таким образом, проведенные работы позволили соединить несколько участков, исследованных на центральной площадке городища, и получить более полное представление об особенностях заселения этой части памятника на начальном этапе его истории.

Городище являлось древнейшим военно-административным и торгово-ремесленным поселением в истоке р. Волхова (вероятно, древнейшим летописным Новгородом 859 г.). В IX–X вв. жители поселения занимались бронзолитейным делом, изготовлением разнообразных украшений, о чем свидетельствуют находки тиглей, лячек, некоторых ремесленных инструментов, литейных формочек и бракованных изделий. Однако сами производственные сооружения ни разу не встречались, несмотря на уже достаточно широкую раскопанную площадь памятника. Только в 2006 г. впервые был исследован подобный комплекс X в., что придает открытию особое значение.

Основание мастерской ремесленника представляло собой корытообразную яму длиной 3 м и шириной от 1,4 до 1,6 м (рис. 1). Сооружение состояло из трех частей. Глубина его центральной части – 0,64 м, длина – 1,6 м. С севера и с юга к мастерской примыкали две приступочки длиной до 0,7 м. Северная приступочка имела глубину 0,4 м, а южная – 0,3 м. На северо-восточном склоне центрального углубления обнаружена сползшая по стенке часть горна, от которого сохранились куски плотной обожженной глины (длиной 12–14 см, толщиной 4–5 см). Горн находился на краю постройки, а затем, при ее разрушении, сполз по стенке. Таким образом, производственное сооружение состояло из предгорновой ямы, где стоял мастер, примыкающих к ней приступочек – своеобразных